

чаемая отъ родственника, живущаго въ Польшѣ, и что она принимаетъ у себя многихъ особъ, недоброжелательныхъ русскому правительству, и чрезъ воспитанницу свою Мѣдкину, знающую французскій и польскій языки, ведетъ переписку съ неблагонамѣренными людьми въ царствѣ Польскомъ. Случай открылъ мнѣ это. Товарищъ мой, драгунскій офицеръ, имѣлъ интригу съ воспитанницею Византиновой—упомянутой Мѣдкиной. Она давала ему множество революціонныхъ книгъ, показывала письма, полученные изъ Польши, которыя и теперь хранятся у ней. Чтобы не распространять духа свободы и вольнодумства во всемъ полку, прошу васъ взять скорѣйшія мѣры. О семъ, кромѣ васъ, донесено мною также шефу жандармскаго корпуса, графу Бенкендорфу. Обратите, между прочимъ, вниманіе ваше на предполагаемую поѣздку г-жи Византиновой въ Карлсбадъ и съ кѣмъ. Для удостовѣренія скажу вамъ, что бібліотека въ домѣ Византиновой находится въ нижнемъ этажѣ, въ угольной комнатѣ, окнами обращенной къ рѣкѣ. Подлѣ этой комнаты живетъ Мѣдкина. Она умоляла меня не доносить. Я хотѣлъ одно предосудительное письмо ея переслать вамъ, но товарищъ мой изорвалъ его. Однако же для сличенія руки посылаю вамъ лоскутки письма».

Доносъ на семейство Византиновой не былъ подписанъ.

Жандармскій полковникъ тщательно осмотрѣлъ клочки почтовой бумаги, оказавшіеся въ письмѣ. На одномъ изъ нихъ было написано:

«...имъ почтеніемъ пребываю всегда готовая къ услугамъ вашимъ Елена Мѣдкина. Надѣюсь, что вы будете такъ добры, и я въ скоромъ времени получу отъ васъ отвѣтъ»...

На другомъ клочкѣ значилось: «...емъ много обя... моего мужа... что они теперь на...»

А на третьемъ: «Посылаю тебѣ, душенька, табакерочку. Нѣтъ времени писать... Твоя Е. Мѣдкина»...

Посмотрѣлъ клочки писемъ и губернский предводитель. Перевернулъ онъ ихъ на изнанку. Тамъ ничего не было написано...

На другой день, Драгневичъ поѣхалъ къ губернатору и переговорилъ съ нимъ лично о томъ, что предпринять по поводу доноса изъ Обояни. Такъ какъ обвиненіе въ революціонномъ сообществѣ касалось и офицеровъ драгунскаго полка, то объ анонимномъ доносѣ былъ немедленно увѣдомленъ корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ Потаповъ, проживавшій въ Курскѣ, а также начальникъ первой кавалерійской дивизіи, въ составъ которой входилъ стоявшій въ Обояни полкъ,—генералъ Монтрезоръ. Потаповъ и Монтрезоръ желали немедленнаго изслѣдованія дѣла... Торопился и полковникъ Драгневичъ. Въ ночь на 17-е ноября онъ выѣхалъ въ Обоянь. Губернаторъ же, А. П. Устимовичъ, поспѣшилъ отправить рапорты министру внутреннихъ дѣлъ и въ III Отдѣленіе соб-